

ОН К ПЕСНЕ БЫЛ ПРИГОВОРЕН

К 50-летию со дня рождения Владимира Высоцкого

Иной раз бывает, что, занимаясь долгое время какой-то одной темой, исследуя ее, невольно выходишь на другие, духовно близкие ей. Так произошло и у меня.

Занимаясь двадцать лет изучением творчества Сергея Есенина, я в разные годы соприкасался со всем тем, что способствовало более глубокому его осмыслению. Именно поэтому поздней осенью 1968 года я оказался в Москве у подъезда Театра драмы и комедии на Таганке, где тогда состоялась премьера спектакля «Пугачев» по известной драматической поэме Сергея Есенина. Главные роли в спектакле исполняли актеры Николай Губенко (Пугачев) и Владимир Высоцкий (Хлопуша). Помню, с каким трудом, изрядно промокнув под осенним дождем, мне все же удалось попасть в театр.

На сцене — помост с плахой, вклинивающийся в зрительный зал, и там, наверху, под висящим колоколом, молодой мятежный Хлопуша. Эмоциональное напряжение актера ощутимо передавалось нам, зрителям. Чувствовалось, что 30-летнему Высоцкому очень хотелось сохранить напряженную стихию поэтического слова. И позже год за годом смотрел я десятки раз таганского «Пугачева» и видел, как мужает, взрослеет, драматизируется образ Хлопуши в исполнении артиста. Думаю, что он отдавал этой роли не меньше сил, нежели другим — в спектаклях «Гамлет» или «Жизнь Галилея».

Спустя некоторое время мне довелось познакомиться с Владимиром Семеновичем во время одной из репетиций «Пугачева». Потом несколько раз мы беседовали в его артистической комнате. Говорили о Сергее Есенине, о работе над «Пугачевым», об авторской песне и о песнях, которые Высоцкий писал для таганских спектаклей «Антимир», «Десять дней, которые потрясли мир», «Павшие и живые».

Рассказывая о работе над спектаклем «Пугачев», Высоцкий говорил:

— Мы все искали определенную поэтическую тональность, способную раскрыть поэзию Есенина на сцене. Я во многом шел от есенинского авторского чтения монолога Хлопуши, запись которого сохранилась. Известно, что Есенин сам прекрасно читал свои стихи. Вот эту есенинскую образную стихию мне и хотелось передать. «Пугачева» мы играем уже десять лет, и, конечно, в чем-то меняется рисунок роли, углубляется, да и

мы, актеры, тоже ведь взрослеем, набираемся опыта. Но в тех давних спектаклях конца 60-х годов тоже была своя прелесть, наивность молодости... Образ самого Есенина очень близок мне, я ощущаю много общего.

Мне не раз приходилось видеть, как Владимир Семенович, сидя где-нибудь в углу за кулисами, подолгу пробует на гитаре одну и ту же мелодию. Сам он говорил об этом:

— Текст записывается иногда сразу, но работа над всей песней в целом — большая. И всегда это дело живое, заранее не скажешь, что получится... Песня все время не дает покоя, требует, чтобы ты «вылил» ее на белый свет. Вообще у меня такое чувство, что я приговорен к песне.

Мне довелось видеть Высоцкого в театре в самых разных ситуациях — на сцене, на репетициях, на обсуждениях спектаклей: более десяти лет я провёл в Театре на Таганке, работал там в литературной части на преддипломной практике, написал и защитил дипломную работу о спектакле «Пугачев». И видел, как разные люди тянулись к

Высоцкому, приносили ему свои стихи и песни, приходили просто посмотреть на «живого» Высоцкого, взять автограф. И со всеми людьми он был благожелателен, по-настоящему интеллигентен. На одном из вечеров, отвечая на вопросы зрителей, Высоцкий сказал:

— Я бы хотел, чтобы зрители понимали, как труден и драматичен путь к гармонии в человеческих отношениях. Я вообще целью своего творчества — и в кино, и в театре, и в песне — ставлю человеческое волнение. Только оно может помочь духовному со-

вершенствованию... В мужчинах ценю сочетание доброты, силы и ума, скажем так. Когда подписываю фотографии подросткам, обязательно пишу: «Вырасти сильным, умным и добрым».

Основой своей популярности Высоцкий считал тот дружественный настрой, то мысленное обращение к друзьям, которые присутствуют в его песнях-балладах. Помню, как на одном из таганских вечеров Высоцкий спел, обыгрывая извечный гамлетовский вопрос о смысле бытия: «Быть» или «не быть» — мы зря не умираем. Конечно, быть!... В этой фразе весь он, человек, утверждавший ценность жизни, поэт, сказавший о себе: А я гляжу в свою мечту — поверх голое и свято верю в чистоту — Снегов и слог!

Обладая обширными знаниями (в квартире Высоцкого осталась большая библиотека, собранная им), беспрестанно расширяя свой кругозор, Владимир Семенович извлекал из любимых книг общий для каждого художника принцип: задача автора не порицать, не учить, но понять ближнего своего... Оттого то у Высоцкого не слова ложились на бумагу, а душа его.

Он писал для всех, как для каждого, когда дух преобладал над буквой. И там, где он жил, всегда были рядом его друзья — книги. Вспоминается строка Высоцкого из его маленькой поэмы «Мой Гамлет»: «...и я зарылся в книги». Так и есть: в квартире Высоцкого на Малой Грузинской стоял старинный письменный стол, за которым он работал длинными ночами, весь в окружении многочисленных книг. Именно за этим столом рождались в счастливые часы творческих раздумий многие строки.

Однажды у нас состоялся разговор о том, насколько ве-

лика широта творческого диапазона актера. Запомнились его слова об этом:

— Думаю, что не существует таких ролей, которые я бы не смог сыграть. Мог бы сыграть все, кроме женских и кроме тех, что по возрасту не подходят мне, которые уже не следует играть. А так, чтобы сказать: вот эта роль героическая, а эта острокомедийная, я бы не выбирал, а с удовольствием играл и то, и другое. Не знаю, как это было бы сыграно, но я никогда не чувствую, что вот какую-то роль я не могу сыграть.

На мой взгляд, сегодня особенно точно и верно звучит мысль Высоцкого о том, что в наше время магнитофонные записи — это своеобразный род литературы. Действительно, многие из нас ежедневно прикасаются к этим звуковым страницам, расширяющим наш духовный мир. И гражданские песни Владимира Высоцкого — числе лучших страниц повседневной звучащей литературы, голос певца прописан в тысячах квартир.

...Часто слушаю пластинку Высоцкого «Кони привередливые», которую он подписал мне в 1976 году. Вспоминая встречи с ним, разговоры о дружбе. Он как-то сказал, что слово «дружба» там, в горах, сохранилось в первоначальном смысле. Там оно действительно выражает то, что в него вложено. Ты с ним в одной связке идешь, и все у него зависит от тебя, а у тебя — от него. Именно так, в одной связке со своим народом, рождались песни Владимира Высоцкого. Именно поэтому их высокое гражданское звучание волнует наши сердца.

А. КАЗАКОВ.

г. ЧЕЛЯБИНСК.

НА СНИМКЕ: Владимир Высоцкий.